

УДК 821.111-312.7

Н. В. Доминенко

ОБРАЗ АВТОРА И СПОСОБЫ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ В ЭПИСТОЛЯРИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ

Актуальность. Английская литература содержит значительное количество сохранившихся до настоящего времени исторических источников, в число которых входят дневники, записные книжки, письма и т. д. Этот значительный пласт, включающий в себя и переписку английских поэтов-романтиков, в целом остается малоизученным культурным пространством в отечественном литературоведении, в котором недостаточно конкретизированы слагающие жанра.

Если писательский эпистолярый является фактом литературного творчества, то, следовательно, для него характерна особая жанровая форма, которая определяется и одновременно определяет жанровое содержание. Проблемы жанровой формы, организации художественного текста занимается поэтика, под которой мы понимаем «систему особенностей структуры данного явления и комплекс закрепленных за ними смыслов, т.е. такие свойства целого периода в истории литературы, направления или жанра, творчества писателя или отдельного произведения, которые принято считать предметом изучения поэтики как науки» [5, с.182].

Для авторского литературного письма, которое располагается нами в рамках художественной документалистики, характерны те же элементы поэтики, что и для произведений художественной литературы. В письме наличествуют действующие лица, фабула, сюжет, хронотоп и прочие «слагаемые» целостной повествовательной структуры, где героем послания является сам автор, ведущий повествование от первого лица, что подтверждает свидетельскую функцию рассказчика и составляет один из способов реализации авторской позиции в эпистолярном тексте.

Целью данной статьи является выявление способов авторского присутствия в тексте романтического письма.

Научное и практическое значение данной статьи заключается в том, что сделанные автором выводы и обобщения могут быть использованы для дальнейшего исследования историографии авторского литературного письма эпохи романтизма, а также способа организации в его границах художественно-документального материала.

Тесно связанный с категорией модальности образ автора, возникающий в письмах романтиков, представляет их как активных участников событий, дающих собственную оценку происходящему, следовательно, авторы-романтики вносят в создаваемый текст неизбежный аксиологический элемент. А именно «романтическая “аксиология” чрезвычайно обогатила европейскую <...> лирику активными поисками новых форм выразительности и изобразительности, отражающих новый идеал и свойственное ему видение мира» [7, с.52]. То же самое относится и к романтическому эпистолярному жанру.

Камерность, интимность жанра писательского письма, предполагает высокую значимость авторского образа в контексте повествования. Необходимо отметить, что если автор письма не предусматривал дальнейшей возможности его публикации, даже опасался ее, то его образ будет иметь иные формы выражения (Вордсворт, Кольридж), чем тот, который ориентирован на возможное обнаружение посланий в будущем (Саути, Байрон, Шелли).

Биографический автор – исторически реальная личность, наделенная своей судьбой. Однако, приступая к написанию письма, романтически настроенный автор имеет перед собой определенную цель или задание, которое может существенно повлиять на изображение авторского «Я». С этого момента начинается собственно творческий процесс: под давлением жизненного материала автор-поэт ищет, нащупывает соответствующую форму подачи этого материала в письме; выявляет свое личностное отношение к написанному или, наоборот скрывает его, как бы отстраняясь от собственного создания. То есть писатель подчинен желанию найти максимально яркую и убедительную форму для воплощения реальности, обозначить в нужном ракурсе нравственное отношение к событию, очертить свое видение мира в целом, наконец, по мере возможности, освободиться от своих собственных пристрастий или приоткрыть их.

В авторском литературном письме адресант и повествует, и описывает, и объясняет происходящее, поэтому существует несколько способов проявления авторского присутствия в письмах романтиков. Если автор письма ставит перед собой задачу отразить в тексте письма события общественной и культурной жизни, то его участие в происходящем оказывается лишь косвенным. В подобном письме автор не представлен эксплицитно; он крайне редко заявляет о себе в контексте описываемых событий.

Вторым по степени частотности в эпистолярном тексте является такой авторский образ, который включен в событийный ряд, однако без явного выделения на его фоне. Автор не прячется за событиями, а отводит себе то – порой периферийное место, – которое он действительно в них занимал.

Однако существует иной – третий – способ самопрезентации создателя письма, когда он подчиняет себе события, излагаемые в послании, что приводит к росту, выделению авторского образа на фоне изображаемого и становится доступным многостороннему обзору.

Кроме того, – и это четвертый тип самопрезентации писателя – авторский образ может раскрываться не в событийном ряду, а независимо от него. В таком случае явления внешнего мира могут быть изображены «только тогда и в той мере, когда и как они воздействуют на внутренний, душевный мир автора письма» [2, с.130], которому, естественно, в повествовании отводится господствующее положение. Событийность для такого автора ассоциируется с фактами внутренней жизни. Тем не менее духовный мир автора – это еще не вся его личность, в результате чего биографическое «я» не отражается в письме всесторонне [там же].

В романтическом эпистолярном поэты раскрывают себя, либо прибегая к самохарактеристикам, либо демонстрируя свое отношение к другим людям, либо анализируя общественную, политическую, религиозную, философскую, эстетическую проблематику. При этом одни (Шелли, Байрон, Саути и Китс) глубоко и многосторонне выводят свой образ на страницах посланий. Другие же лишь приоткрываются через их отношение к обсуждаемым вопросам, крайне редко прибегая в своей переписке к самохарактеристикам.

Все без исключения адресанты-романтики заявляют о себе в контексте изображаемых событий, не скрываясь за ними; их присутствие в тексте письма представлено в первую очередь наличием определенно-личных предложений. Проиллюстрируем это наблюдение показательным примером из письма Шелли к Т. Л. Пикоку от 25.02.1818г.: «Мы сейчас собираемся из Неаполя в Рим. Окрестности здесь прекраснее любого другого места в цивилизованном мире. Я, кажется, еще не писал Вам об озере Аньяно и о Качча д' Астрони» [8, с.166].

Изображение окружающего мира занимает значительное по объему место в переписке романтиков и находится в зависимом положении от авторского задания, подчиняясь порядку, установленному автором. Шелли, Байрон, Саути и Китс выступают в своих письмах не пассивными наблюдателями, а умными, проницательными критиками происходящего, иногда и деятельными его участниками. В своих письмах они описывают города, их народонаселение, нравы и обычаи жителей; памятники архитектуры, литературные произведения и произведения искусства, что позволяет многопланово раскрыть авторский образ через восприятие и воссоздание реальности. Приведем характерный в этом плане пример из письма Байрона Меррею от 21.02.1820г., в котором поэт характеризует итальянский народ следующим образом: «У них все иное – и воспитание при монастырях, и служение кавалеров Даме, и весь образ жизни; <...> так что я и не знаю, поймете ли Вы народ, который вместе склонен к аскетизму и к распутству, вдумчив по натуре и фигляр в веселье, столь искусен в чувствах, страстях, как мгновенных, так и непреходящих...» [1, с.151]. Шелли, Байрон, Саути и Китс раскрывают свои характеры искренне и достоверно, что подтверждается и другими источниками, в том числе мнениями друзей и знакомых. В письмах продемонстрированы безупречный эстетический вкус Шелли, Байрона, социальная и творческая активность Саути, Шелли, высочайшая эрудиция последнего, наблюдательность Китса,

коммуникабельность, стремление к бесконечному познанию, свойственные каждому из них. Авторы писем выступают не только как часть изображаемого ими социума, а как независимые и активные личности, от которых во многом зависит ход исторических событий, и даже отчасти судьбы целых народов, особенно это касается Байрона и его участия в освободительной войне на Балканах.

В романтической эпистолярной авторский образ раскрывается и посредством того, как поэты этого направления воспринимают других людей. Весьма показательны в этом смысле выдержки из писем Байрона, который в письме Дж. Хоггу от 24.03.1814г. отзывался о Саути крайне негативно, считая его «темным», плохим поэтом [9], которому «следовало стать приходским священником» [9]. Причина такого неприятия Саути и вообще ранних романтиков со стороны Байрона была в отказе первого от порывов своей юности, увлечении мистицизмом, мрачным философствованием. Старшее поколение в целом для Байрона – «отставные вольнодумцы» [1, с.16]. Подобное отношение к ранним романтикам характеризует Байрона как человека бескомпромиссного, с твердыми, даже жесткими убеждениями и принципами.

Китс, в отличие от Байрона, Шелли и Саути, свой образ раскрывает еще и через строй описываемых чувств, подъем эмоций. Его письма пестрят лирически окрашенными обращениями, напряженно звучащими риторическими вопросами. Жизненные коллизии, образы других людей, художественные произведения, о которых он пишет, Китс стремится оценить с эмоционально-чувственной точки зрения. Приведем пример его письма к Ф. Брон от 1.07.1819г., в котором говорится: «Я пишу тебе, сидя у окна очень славного домика и любуясь красивыми холмами, за которыми синее море. <...> Спроси же себя, любовь моя, не слишком ли ты жестоко поступаешь, что так связала меня, что уничтожила мою свободу. <...> Если произойдет худшее, я все равно буду любить тебя – но зато какую ненависть я испытаю к другому!» [4, с.226-227]. Сентиментальность как преобладающая черта характера Китса составляет основу и его авторского художественного образа.

Отличительной чертой авторского «я» Шелли, Байрона, Китса и Саути является то, что они смело раскрывают себя через самохарактеристики, – порой отрицательные, – используя при этом разнообразные экспрессивные средства. Вот, например, как Китс «обнажает» свою натуру в майском письме 1817г., адресованном Б. Р. Хейдону: «<...> последнее время я нахожусь в таком состоянии, что, перечитывая все мною написанное, начинаю себя ненавидеть. Я из тех, кто “посредине кручи... повис и рвет мясной укроп, безумец”: утесы истинной поэзии громоздятся надо мной...» [3, с.120]. Совсем по-другому ощущает себя Байрон, который в письме к леди Мельбурн от 12.08.1812г. признается: «Ничуть не стыдясь надсмотра над собой, вроде лорда Делакура или же любого другого лорда или господина, я бываю только рад, если кто-нибудь управляет мной или расправляется со мной, потому что я терпелив, как верблюд, и почти так же вынослив» [1, с.101].

Раскрывает свой образ в переписке посредством нелестной самохарактеристики и Шелли. Одно из его писем У. Годвину от 10.01.1812г. представляет собой короткий рассказ, в котором повествуется об отношениях в семье и о причинах поведения, не укладывающегося в общепринятые рамки: «Я сын богатого человека из Суссекса. С отцом у меня никогда не было согласия во взглядах. С детства мне внушали и от меня требовали безмолвного послушания; требовали, чтобы я любил, потому-что это – мой долг, – едва ли нужно говорить, что принуждение возымело обратное действие. Я пристрастился к самым неправдоподобным и безумным вымыслам. Старинные книги по химии и магии я поглощал с восторгом, почти готовый в них уверовать. Ничто внутри меня не сдерживало моих чувств; внешних препятствий было множество, и мне их ставили весьма сурово; но их действие было лишь кратковременным» [8, с.60].

Самохарактеристика была способом литературной презентации и в переписке Саути, среди которой выделяется письмо Г. Тейлору от 31.08.1826г., где содержится следующее: «Политические вопросы никогда ни в малейшей степени не изменяют наших чувств друг к другу. Я прожил всю свою жизнь в теснейшей и драгоценнейшей близости с людьми, которые были наиболее противоположны мне в таких вещах: буду ли я или ты прав – не имеет значения для нашего счастья, настоящего или будущего, и незначительно в плане нашей полезности в обществе» [6, с.189].

Кольридж и Вордсворт, напротив, редко описывают черты своего характера, как будто сознательно ступившая перед адресатом, стараясь говорить о себе как можно меньше. Однако это не означает, что авторский образ, представленный в письмах, в данном случае бесцветен. Личность Вордсворта зримо раскрывается в его суждениях, касающихся творчества, отношения к поэзии, а Кольриджа – в его раздумьях религиозно-философского и политического характера. Оба эти автора погружены в живое течение жизни (Кольридж ездит с лекциями по стране с целью заработка для семьи, Вордсворта также занимает благополучие близких, о чем они и повествуют своим корреспондентам, то есть их личная позиция, в том числе и по отношению к себе, заявлена опосредовано, подтекстово, что распространяется и на отбор материала в письмах, и на концепцию адресата, и на модальность изложения.

Таким образом, можно заключить, что поэты-романтики раскрывают свои характеры и убеждения в письмах через интерпретацию существенных для них событий и проблем, однако при этом реальная биографическая личность автора и образ автора, возникающие в посланиях, не всегда совпадают друг с другом.

Литература

1. Байрон Дж. Г. На перепутьях бытия...: Художественная публицистика: [Письма. Воспоминания. Отклики]: Пер с англ. / Дж. Г. Байрон; Сост., авт. предисл. и коммент. А.М. Зверев. – М.: Прогресс, 1989. – 432 с.; портр.
2. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра/О. Г. Егоров. М.: Флинта; Наука, 2003. – 280 с.
3. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: Письма Дж. Китса // Вопр. лит.- 2002. – № 5. – С. 103 – 166.
4. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: Письма Дж. Китса // Вопр. лит.- 2002. – № 6. – С. 214-260.
5. Поэтика: Слов. актуал. терминов и понятий/[Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
6. Рогова А. Г. Эпистолярное наследие Роберта Саути [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 .-М.: РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
7. Смирнов А. А. Целостный статус лирического «я» в романтической поэзии А. С. Пушкина 1820-х годов/А. А. Смирнов// Романтизм: Вопросы эстетики и художественной практики: Сб. науч. тр. – Тверь: ТГУ, 1992. – С. 40-55.
8. Шелли П.Б. Письма. Статьи. Фрагменты/Пер. с англ. З.Е. Александровой / П.Б. Шелли.- М.: Наука, 1972. – 534 с.: ил.; 5 л. ил.
9. Lord Byron's letters and journals. [Электронный ресурс]: Scanned, selected and edited by Jeffrey D. Hoeppeг.– Режим доступа: (jhoeppeг@toltec.astate.edu) (revision 2.15.99)

Аннотация

Доминенко Н. В. Образ автора и способы его литературной презентации в эпистолярной английской романтике.

В статье рассматриваются способы презентации авторского образа, имеющего высокую значимость в контексте эпистолярного повествования. Автор исследует причины, влияющие на изображение авторского «я» в эпистолярном творчестве английских романтиков, которые раскрывают себя, либо прибегая к самохарактеристикам, либо демонстрируя свое отношение к другим людям, либо анализируя общественную, политическую, религиозную, философскую, эстетическую проблематику. При этом одни (Шелли, Байрон, Саути и Китс) глубоко и многосторонне выводят свой образ на страницах посланий. Другие же лишь приоткрываются через их отношение к обсуждаемым вопросам, крайне редко прибегая в своей переписке к самохарактеристикам. Однако при этом реальная биографическая личность

автора и образ автора, возникающие в посланиях, не всегда совпадают друг с другом.

Ключевые слова: образ автора, способы литературной презентации, авторское «я», самохарактеристика, биографическая личность автора, эпистолярный, английские романтики.

Анотація

Доміненко Н. В. Образ автора та засоби його літературної презентації в епістолярії англійських романтиків.

У статті розглядаються засоби презентації авторського образу, який має високе значення у контексті епістолярної оповіді. Автор досліджує чинники, які впливають на зображення авторського «я» в епістолярній діяльності англійських романтиків, котрі розкривають себе, або звертаючись до самохарактеристик, або демонструючи своє відношення до других людей, або аналізуючи суспільну, політичну, релігійну, філософську, естетичну проблематику. При цьому одні (Шеллі, Байрон, Сауті, Колрідж та Кітс) глибоко та багатогранно вибудовують свій образ на сторінках листів. Образ інших можливо побачити не завдяки самохарактеристикам, а через їх відношення до дискусійних питань. Проте реальна біографічна особистість автора та образ автора, які виникають у листах, не завжди співпадають друг з другом.

Ключові слова: образ автора, засоби літературної презентації, авторське «я», самохарактеристика, біографічна особистість автора, епістолярний, англійські романтики.

Summary

Dominenko N. V. The author's image and the means of its literary presentation in the epistolary prose of English romanticists.

The given article considers the means of presenting the author's image that is of high importance in the context of the epistolary narrative. The author investigates the reasons for depicting the author's "self" in the epistolary work of English romanticists, who reveal themselves either by means of self-characteristics or demonstrating their attitude towards other people, or analyzing public, political, religious, philosophical, esthetic problems. Such romanticists as Shelley, Byron, Southey, Coleridge and Keats build up their image in the letters deeply and in a versatile manner. The image of other poets is possible to be seen not only due to their self-characteristics but through the way they perceive the questions being discussed. However a real biographical personality of the author and the author's image appearing in the correspondence do not always coincide.

Key words: author's image, means of literary presentation, author's "self", self-characteristics, biographical personality of the author, epistolary prose, English romanticists.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом, заведующей кафедрой иностранных языков факультетов гуманитарного профиля ТНУ им. В.И.Вернадского Хлыбовой Н. А.